

греков часто были враждебные племена, с которыми городам приходилось вести постоянную борьбу. Даже беглое знакомство с источниками дает нам яркие примеры такой борьбы: так, Ксенофонт рассказывает, что пафлагонский вождь Корила стремился захватить владения Синопы (Anab. V, 5, 23); он же говорит о вражде Трапезунта с дрилами (там же, V, 2, 2). Арриан сообщает, что Александр во время похода в Малую Азию помог городу Фаселите уничтожить мощное укрепление, воздвигнутое на земле города писидами, откуда писиды делали набеги и наносили урон жителям города, работавшим в поле (I, 24, 6). То же племя писидов враждовало и с Тельмиссом (там же, I, 28). Недоразумения с соседями могли поднимать на борьбу и зависимые племена — в нескольких приенских надписях второй половины IV в. до н. э. говорится о борьбе педиев: они нападали на земли приенцев (это, между прочим, еще раз указывает на то, что земли граждан были отграничены от земель педиев), грабили и убивали приенцев. Для подавления восстания Приене пришлось прибегнуть к помощи Лисимаха¹⁶. Борьба с племенами (и автономными, и зависимыми) в V—IV вв. до н. э. осложнялась враждой городов друг с другом, с персидской знатью. Так, Ксенофонт говорит, что, когда греки прибыли в Пергам, правительница этого города подбила греческое войско выступить против перса Асидата, жившего на равнине (Anab. VII, 8, 7—9). А во время восстания педиев с ними в союз вступила Магнесия на Меандре. Недаром появление греко-македонского войска было воспринято многими греческими городами как спасение от враждебных племен.

Таким образом, в силу конкретных исторических условий, в обстановке постоянной междоусобной борьбы даже тем племенам, которые признали зависимость от городов, удалось сохранить известную самостоятельность и определенную земельную территорию. Формы зависимости племен от греческих полисов принципиально не отличались от зависимости одного города от другого: колонии Синопы — Трапезунт, Керасуния и Котиора, — «эллинические города», по определению Ксенофонта, также выплачивали Синопе подать (Anab. V, 5, 10). Поэтому нам кажется невозможным проводить аналогию между малоазийскими зависимыми племенами и илотами или называть их зависимость «коллективным рабством». Вследствие особенностей исторического развития и прежде всего вследствие борьбы местных племен там в какой-то степени были сохранены древние формы господства и подчинения, и только после образования на территории Малой Азии сильных эллинистических монархий процесс порабощения местного сельского населения пошел более интенсивно.

И. С. Свентицкая

THE CONDITION OF THE DEPENDENT POPULATION IN ASIA MINOR, 5th — 4th CENTURIES B. C.

I. S. Svetsitskaya

The ancient literary sources provide evidence of the existence in pre-Hellenic Asia Minor of a rural population held in subjection by cities. Posidonius, Euphoriion, Callistratus, Phylarchus, Philippus (cited by Athenaeus) and Strabo speak of the Mariandyni as dependent upon Heracleia, of the Bithynians subject to Byzantium, of the Leleges subject to the Carians. Their dependence is compared with helotry. A comparison of the data provided by these authors with descriptions of dependent populations in other areas (in Boeotia, in Sparta) suggests that in most of these passages we have to do, not with a factual description of the subject condition of these tribes, but with a general theory of the contractual relationship that arises between conqueror and conquered (or between the strong and the weak). The description of Asia Minor tribes in Xenophon's Anabasis, Aristotle's reference to the employment in the fleet of Heracleia of non-citizens who also worked the land, archaeological materials (in particular, excavations by Bean

¹⁶ C. B. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy*, New Haven — London — Prague, 1934, Texts, № 8.

and Cook in the Halicarnassus region), inscriptions from Priene and Zeleia (mentioning the πεδῦσις and the Phrygians) permit the conclusion that forms of dependence in Asia Minor did not resemble the Spartan helotry. Tribes held in subjection by a city lived in villages on territory reserved for them, their land could not be taken over by citizens. Their dependent relationship to the city was expressed by the payment of tribute. Constant strife with each other and with neighbouring independent tribes put a heavy drain on the cities' resources and kept them too weak to complete the subjection of the tribes dependent on them.

РОЛЬ СЦИПИОНА МЛАДШЕГО В РАЗВЯЗЫВАНИИ ЮГУРТИНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЕГО КРУЖКА

Трудно переоценить значение Югуртинской войны в истории Римской республики. С ней была связана военная реформа Марция, заложившая основу профессиональной армии и создавшая в ее лице базу будущего императорского режима. Событиями этой войны началось шестилетнее «антиконституционное» консульство Марция, которое с известным основанием можно считать началом военной диктатуры в Риме. Однако вопрос о причинах Югуртинской войны по сей день нельзя считать окончательно выясненным¹.

Одной из причин этой войны было недовольство народных масс Нумидии проримской политикой нумидийских царей. Это недовольство повлекло за собой усиление активности оппозиционных элементов и гражданскую войну. Гражданская война, в свою очередь, вызвала римскую интервенцию в Нумидию². Но длительная борьба Нумидийского царства с могущественной римской державой была бы невозможна, если бы в самом римском обществе глава нумидийской оппозиции, царевич Югурта, с самого начала не нашел поддержки и одобрения своей антиримской политике.

Дружеские связи заклётого врага Рима Югурты со многими видными римскими политическими деятелями давно обратили на себя внимание историков. Однако эти тесные связи объясняли либо продажностью римлян³, либо личными отношениями Югурты с видными представителями римской знати⁴.

Обратимся к моменту, когда эти связи возникли.

По свидетельству Саллюстия (Jug. 6, 3; 7, 1), уже в 134 г. до н. э. зависевшее от Рима Нумидийское царство стояло перед перспективой гражданской войны. Главой недовольных существовавшим порядком был лишенный прав на престол родственник царского дома Югурта. Дядя Югурты, нумидийский царь Мициппа, стремясь избавиться от опасного вожака оппозиции, отправил его с контингентом войск в Испанию на помощь римлянам, осаждавшим Нуманцию. Саллюстий прямо пишет (Jug. 7, 2), что, отправляя Югурту к римлянам, Мициппа определенно рассчитывал на его гибель. В самом деле, Югурта был главой патристической, антиримской партии⁵, а во главе римской армии под Нуманцией стоял Сципий Эмилиан, который лучше чем кто-либо в Риме был знаком с положением дел в Нумидийском царстве⁶. Поэтому Мициппа мог

¹ M. Holroyd, The Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor? JRS, XVIII, 1928, стр. 2.

² Б. П. Селецкий, Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны, ВДИ, 1964, № 2, стр. 149—155.

³ Например, Т. Момзен, История Рима, т. II, М., 1937, стр. 138—140.

⁴ W. Allen, The Sources Jugurtha's Influence in the Roman Senat, «Classical Philology», XXXIII, 1938, стр. 91.

⁵ Селецкий, ук. соч., стр. 151 сл.

⁶ Liv., Epit. 50; Polyb., XXXVII, 3, 10; Cic., De off., I, 11, 35. Именно Сципий Эмилиан сумел примирить между собой наследников царя Массинисы и раз-

рассчитывать на то, что Сципцион, зная об антиримских настроениях Югурты и о его влиянии среди соотечественников (Sall., Jug. 7, 1), найдет в условиях жестокой и упорной Нумантинской войны способ избавиться от столь опасного человека. Югурта искал славы, искал власти. Миципса предоставил ему возможность добыть и то, и другое на «поле чести». Никакая оппозиция не могла бы упрекнуть царя в случае смерти Югурты. Что могло быть естественнее гибели в опасной и трудной войне молодого, пылкого и отважного человека?

Итак, Миципса мог предполагать, что интересы Римской державы, которую представлял в Испании Публий Сципцион Эмилиан, совпадают с его собственными. Однако надеждам Миципсы не суждено было сбыться. Прибыв под Нумантию, Югурта быстро снискал себе расположение римского главнокомандующего и его ближайшего окружения. В штабе Сципциона многие простерли свое расположение к Югурте настолько, что прямо советовали ему умертвить Миципсу и захватить царскую власть в Нумидии (Sall., Jug. 8, 1). Такое поведение римских командиров было целиком не только в отношении союзного Риму царя Миципсы, но и в отношении самой Римской республики.

Историки Югуртинской войны не дают удовлетворительного объяснения этому странному факту. Гриппидж полагает, что такое могло быть сказано только в шутку⁷. Гзелль и Ласт ограничиваются простой констатацией факта⁸. Все эти историки видят причину подобного отношения Сципциона и его штаба к Югурте в блестящих качествах молодого нумидийца, полностью проявленных им под Нумантией. Более серьезно подходит к данному вопросу Аллен. Он считает, что не следует принимать во внимание сообщение Саллюстия о тех тайных целях, с какими Миципса послал Югурту под Нумантию. Расположение же римского штаба и самого Сципциона к вожаку нумидийской оппозиции Аллен объясняет тем, что для них Югурта был представителем Нумидии, которая находилась по отношению к фамилии Сципионов в положении клиента⁹. Слабость позиции Аллена в том, что он принимает на веру те сообщения источника, которые соответствуют его взглядам, и без обоснований отвергает те из них, которые не укладываются в рамки его концепции, хотя в рассказе Саллюстия те и другие неразрывно связаны друг с другом. А ведь Саллюстий лучше любого другого римского историка был осведомлен об истинном положении дел в Нумидии¹⁰.

Чем же можно объяснить расположение Сципциона к Югурте или изменнические по сути дела подстрекательства многих членов римского штаба, направленные к развязыванию в Нумидии гражданской войны, войны, которая в конечном счете обратилась бы против Рима?

Известно, что в этот период в политической жизни Рима весьма видную роль играл так называемый «кружок Сципiona». Известно также, что Сципцион, отправляясь под Нумантию, составил свой штаб исключительно из близких и преданных ему людей (App., Hisp. 84). Можно поэтому предполагать, что советы убить Миципсу и овладеть нумидийским тронem подавали Югурте члены «кружка Сципiona». Эти достаточно искусственные в политике люди не могли не понимать, что такие действия Югурты неизбежно должны были привести к гражданской войне в Нумидии, к торжеству в Нумидии антиримской партии, к войне Нумидии с Римом¹¹. Таким образом, их усилия в конечном счете могут быть поняты лишь как стремление спровоцировать войну между Римом и Нумидией.

На первый взгляд позиция самого Сципiona в отношении Югурты несколько отличалась от крайней позиции, занятой некоторыми членами его кружка. После оконча-

делить между ними функции по управлению Нумидией. Естественно, что эту задачу мог выполнить только человек, великолепно знакомый с внутриполитической ситуацией в Нумидии.

⁷ A. Greenidge, A History of Rome, L., 1904, стр. 325.

⁸ S. Gsell, Histoire de l'Afrique du Nord, VII, стр. 140; САН, т. IX, стр. 117.

⁹ Allen, ук. соч., стр. 91.

¹⁰ Селецкий, ук. соч., стр. 149, прим. 7.

¹¹ Там же, стр. 149—155.

чания войны в Испании Сципцион отговаривал Югурту от поспешных и насильственных действий (Sall., Jug. 8, 2). Благодаря Сципиону Югурта был включен Миципсой в число наследников престола ¹². Это, несомненно, на известное время отсрочило начало гражданской войны в Нумидии: гражданская война, грозившая вспыхнуть еще в 134 г. до н. э., разразилась в Нумидии только в 118 г. до н. э. Однако если приглядеться внимательно, складывается впечатление, что все меры Сципиона были направлены не на окончательное и бесповоротное предотвращение гражданской войны в Нумидии, а на предотвращение этих междоусобиц и борьбы Нумидии с Римом лишь в данный момент, лишь в период после окончания Нумантинской войны. Поведение римского главнокомандующего и римского патриота Сципиона представляется не менее странным, чем поведение офицеров его штаба. Будучи хорошо осведомлен о положении дел в Нумидии и лучше всех понимая, насколько Югурта опасен для римского владычества в Нумидии, Сципцион не делает никаких попыток устранить его (хотя именно на это рассчитывал Миципса). Зная об интригах своего штаба (Sall., Jug. 8, 1—2), римский главнокомандующий не принимает никаких мер против этих изменнических действий. Вместо того, чтобы употребить власть, Сципцион ограничивается тем, что уговаривает Югурту воздержаться от насильственных действий в Нумидии (Sall., Jug. 8, 2). Еще более странно, что именно стараниями Сципиона Югурта, вопреки воле царя Миципсы, был включен в число наследников нумидийского престола ¹³. Таким образом, Сципцион по сути дела так же нелоялен по отношению к римскому правительству, как и его штаб. Он, как и более решительные члены его «кружка», поддерживая Югурту, по существу провоцирует столкновение между Римом и Нумидией. Правда, Сципцион предпочитает отсрочить столкновение. Его почему-то не устраивает, чтобы требующие вмешательства Рима осложнения в Нумидии возникли сразу после окончания Нумантинской войны. Но только этим позиция Сципиона и отличается от позиции его более решительных единомышленников.

Ясно, что Сципцион и находившиеся с ним в Испании члены его «кружка», составлявшие штаб римской армии под Нуманцией, действовали в ущерб престижу сената и стоявшей тогда у власти в Риме политической группировки оптиматов. Очевидно также, что Сципцион и его «кружок» составляли в данный момент оппозицию правящему большинству сената или, вернее, нобилитету. Естественно возникают вопросы: 1) какова была политическая программа Сципиона и его «кружка», какие социальные группировки римского общества этот «кружок» представлял? 2) для чего нужно было группировки римского общества это «кружок» представлял? 3) для чего нужно было Сципиону и его «кружку» создавать затруднения римскому правительству, поддерживая вожака нумидийской патристической партии и провоцируя гражданскую войну в Нумидии? 3) почему Сципцион в отличие от многих членов его «кружка» считал неже-

¹² Allen, ук. соч., стр. 91; Sall., Jug. 9.

¹³ Можно было бы предположить, что Сципцион, добиваясь включения Югурты в число наследников Миципсы, стремился примирить вождя оппозиции с правящей династией. Однако такое предположение представляется необоснованным. Прежде всего, для чего Сципиону нужно было «примирять» Югурту с Миципсой? Не проще ли было вообще избавиться от Югурты, как это и предполагал Миципса? Далее, если Сципцион действительно желал утихомирить Югурту, ему следовало принять какие-то меры против подстрекателей из собственного штаба. Тем самым Сципцион лучше всего показал бы свое отрицательное отношение к любым «нелояльным» действиям самого Югурты. Кроме того, вряд ли нумидийский царь мог смириться с тем, что вместо того, чтобы уничтожить вожака оппозиции, Сципцион вернул его в Нумидию в качестве законного наследника престола. В этом качестве, опираясь на законные права, Югурта стал еще опаснее. Ведь Миципса боялся именно влияния Югурты среди нумидийцев (Sall., Jug. 6—7), а теперь благодаря Сципиону это влияние опиралось на вполне «законную» основу, которая ранее отсутствовала (Sall., Jug. 5, 7). Трудно также предположить, что такой способный и честолюбивый человек, как Югурта, оправившись вдовом состоянии, мог удовлетвориться положением одного из трех наследников престола, особенно если учесть, что его соперники были много моложе его, менее даровиты и несравненно менее популярны. Из всего этого видно, что Сципцион вовсе не стремился «обезвредить» Югурту. Его конечные цели были иными. Дальнейший ход событий с очевидностью подтверждает это предположение.

лательным, чтобы гражданская война в Нумидии началась сразу после Нумантинской войны, и предпочитал оттянуть ее на более отдаленный срок? Представляется возможным, несколько не претендуя на окончательное и безусловное решение этих вопросов, попытаться все же ответить на них.

Не вызывает сомнений, что политические взгляды Сципиона Эмилиана и его единомышленников сильно отличались от воззрений подавляющего большинства победителей. Скалард считает даже, что Сципион Эмилиан был создателем той политической программы, которую позже пытался провести в жизнь Тиберий Гракх¹⁴. Таким образом, не может быть и речи о том, чтобы отождествлять стремления Сципиона с политической линией римского правительства. Однако с мнением Скаларда нельзя согласиться. Общеизвестно, что Сципион был противником реформ Тиберия Гракха (Liv., Epit. 59; Plut., Tib. Gr. 7). Аппиан (В. с., I, 19) прямо указывает, что именно Сципион Эмилиан помешал проведению в жизнь аграрного законопроекта Тиберия Гракха. В свете этого вполне достоверным представляется сообщение Плутарха (Tib. 21) о том, что Сципион выразил одобрение убийству Тиберия Гракха нобилими. О том, что в Риме общественное мнение рассматривало Сципиона как одного из наиболее опасных и деятельных противников Тиберия Гракха свидетельствует несомненно современная события версия, обвинявшая в смерти Сципиона приверженцев и родичей Тиберия Гракха (Liv., Epit. 59; App., В. с. I, 19). Таким образом, Сципион Эмилиан и его единомышленники не принадлежали ни к правящей группировке нобилитета, которую принято называть оптиматами, ни к популярам в том понимании, в каком были ими сторонники Тиберия Гракха¹⁵.

Уже Цицерон в своих трактатах проводит резкое различие между политической линией Гракхов и Сципиона Эмилиана. Цицерон рассматривает Тиберия Гракха как потрясателя основ республики, а Сципиона — как защитника и охранителя этих основ (De re publ. VI, 14). Цицерон пишет (там же, 12), что во время потрясений государства, вызванных Тиберием Гракхом, все хорошие (boni) граждане видели свое спасение и спасение республики в Сципионе Младшем. Более того, Цицерон вкладывает в уста Сципиона Эмилиана необычайно резкое порицание популяров (populares homines improbos — De re publ., IV, 10). Ясно, что Цицерон не решился бы на такую вольность, если бы общая политическая позиция и высказывания Сципиона Младшего не давали римлянам оснований считать его противником как оптиматов, так и популяров гракханского толка. Отрицательной стороной политической деятельности Гракхов, и в частности Тиберия, Цицерон считает, то, что они действовали антиконституционными методами, сеяли раздоры между гражданами (De leg. III, 9, 20; Brut. 244). Он прямо говорит, что Гракхи стремились к тирании (De re publ. II, 37), и считает Тиберия Гракха инициатором той борьбы, которая во времена Цицерона раздирала республику (De re publ. I, 19). Напротив, Сципиона Младшего Цицерон (De re publ. II, 1; VI, 11—12) изображает образцом государственного деятеля, продолжателем традиций лучших римских политических деятелей прошлого. Его главной чертой — как любого, с точки зрения Цицерона, положительного политического деятеля — было соблюдение

¹⁴ Н. Н. Scullard, Scipio Aemilianus and Roman politics, JRS, 1960, стр. 36 сл.

¹⁵ Тот факт, что аграрный законопроект Гая Лелия родился в недрах «кружка» Сципиона, отнюдь не доказывает тождества политической программы Эмилиана с программой Тиберия Гракха, так как проект Лелия был снят самим автором (Plut., Tib. 8). Скорее добровольное снятие этого законопроекта свидетельствует о том, что Сципион Эмилиан и Тиберий Гракх представляли интересы совершенно различных социально-политических группировок: для тех, чьи интересы защищал «кружок» Сципиона, были совершенно неприемлемы методы, вполне устраивавшие последователей Тиберия. Первоначальной целью законопроектов Гая Лелия и Тиберия Гракха было вообще не сохранение римского крестьянства, а сохранение боеспособности римской армии (см. App., В. с., I, 11; Plut., Tib. Gr. 8). Расхождение, возможно, возникло лишь тогда, когда стало ясно, какое сопротивление этот проект вызовет и какими методами его придется проводить. Законопроект, продиктованный первоначально общегосударственными, чисто патриотическими интересами, оказался по своим экономическим и политическим последствиям выгоден лишь одной из выступавших первоначально в его пользу социальных группировок.

закопов, охрана римской конституции (*De re publ.* V, 3—4; I, 46). Таким образом, основное различие между Гракхами и Сципионом Младшим Цицерон усматривает главным образом в методах. Он подчеркивает, что в своей оппозиции знати и римскому правительству Сципион в отличие от Гракхов придерживался «конституционных», «мирных» приемов борьбы.

Что касается политической программы Сципиона Эмилиана, то ее главная и основная черта — стремление сохранить могущество Рима, сохранить римскую державу в ее прежнем объеме.

Для рассматриваемого периода характерно было резкое падение боеспособности римской армии. Уже III Пуническая война показала военную слабость римлян, особенно если учесть, что Карфаген еще задолго до этих событий утерял былое могущество. И тем не менее римляне целых три года осаждали город, лишенный предваритель- но всех средств защиты ¹⁶.

Еще очевиднее ослабление римской армии проявилось во время Нумантинской войны. Маленький испанский город, имевший лишь восемь тысяч (*App., Hisp.* 76) защитников, долго сопротивлялся могущественной державе. Более того, нумантинцы сумели нанести римлянам позорное поражение, сумели принудить римского консула заключить с ними позорный мир. Прибыв в качестве нового главнокомандующего, Сципион Эмилиан застал римское войско под Нуманцией совершенно разложившимся (там же, 85—86). Понадобилась 60-тысячная армия во главе с лучшим римским полководцем (там же, 92), чтобы успешно закончить эту войну. Такое падение боеспособности армии было следствием необычайно усилившегося процесса пауперизации римско- италийского крестьянства. Быстро уменьшалось число граждан, обладавших необходимыми для военной службы цензом. За десять лет с 140/39 по 130/29 гг. до н. э. число подлежащих призыву римских граждан сократилось более чем на десять тысяч человек (*Liv., Erit.* 54—59). Но не только снижение численности подрывало боевые качества армии. Еще более опасным было моральное состояние подлежащих призыву граждан. Военная дисциплина резко упала. После каждой сколько-нибудь серьезной неудачи римские войска приходили в состояние полного разложения ¹⁷.

Причиной падения боевого духа римлян было нежелание разоряющегося римского крестьянства принимать участие в заморских походах, которые не приносили ему никаких выгод.

Во всех слоях римского общества прекрасно понимали, что единственным выходом из создавшегося положения была бы военная реформа. Аппиан (*В. с.*, I, 8) утверждает, что реформа Тиберия Гракха была продиктована прежде всего опасениями, что римская гегемония в Средиземноморье может подвергнуться опасности в результате ослабления военной мощи Рима.

Из всех государственных деятелей этого периода Сципион Эмилиан наиболее активно борется за сохранение военного престижа Рима, за сохранение его заморских владений. Именно он, выполняя замысел Катона Старшего, разрушает Карфаген ¹⁸. Его стремление победоносно закончить Нумантинскую войну встретило сопротивление как сената и знати (*App., Hisp.* 83—84), так и гракханской оппозиции (*Plut., Tib.* 7), которая начала складываться именно в этот период ¹⁹. С помощью только своих единомышленников, на собственные средства и пожертвования друзей довел Сципион Эмилиан эту войну до победного конца и восстановил тем самым подорванный престиж Рима (*App., Hisp.* 84) ²⁰. Именно в «кружке» Сципиона Эмилиана родился проект аграрного закона Тиберия Гракха см. *Plut., Tib.* 8 (со ссылкой на свидетельство Гая Гракха).

¹⁶ М о м м з е н, История Рима, т. 2, М., 1937, стр. 30.

¹⁷ Так было под Нуманцией (*App., De rebus hisp.* 85—86), так было во время Югуртинской войны (*Sall., Jug.* 44, 4).

¹⁸ Не случайно Катон, одобряя действия Сципиона Эмилиана под Карфагеном, считал его единственным достойным политическим деятелем нового поколения и прямо указывал на него, как на человека, который один сможет выполнить задачу разрушения Карфагена (*Plut., Cato Maior* 26—27).

¹⁹ О времени зарождения идеи аграрного закона Тиберия Гракха см. *Plut., Tib.* 8 (со ссылкой на свидетельство Гая Гракха).

²⁰ См. также М о м м з е н, История Рима, II, стр. 83 сл.

рарной реформы Г. Леллия, которая должна была укрепить кадры римской армии и восстановить военное могущество Рима (Plut., Tib. 8). Хотя законопроект этот был снят его инициаторами, но есть некоторые основания полагать, что Сципион Эмилиан не отказался окончательно от идеи провести военную реформу, хотя бы и не связывая ее с аграрной. Очень возможно, что проект реформы Мария, проведенной им во время и благодаря Югуртинской войне, зародился еще в «кружке» Сципиона. Не следует забывать, что и Марий начал свою карьеру под стенами Нуманции под началом Сципиона Эмилиана. Он, несомненно, принадлежал к тем «homines novi», которые находились при штабе Сципиона под Нуманцией (Sall., Jug. 8, 1). Не следует забывать, что этот штаб был составлен исключительно из единомышленников Сципиона и членов его «кружка» (App., Hisp. 84). Плутарх сообщает, что Сципион Эмилиан указывал на Мария, как на своего политического преемника и прямого продолжателя своего дела (Plut., Mar. 3). Если принять во внимание это свидетельство Плутарха, сопоставив его с тем фактом, что Марий несомненно принадлежал к «кружку» Сципиона, не будет чрезмерно смелым предположить, что, проводя впоследствии свою военную реформу, Гай Марий в известной мере следовал предначертаниям Сципиона Эмилиана. В свете этого предположения позиция Сципиона в отношении Югурты и положения дел в Нумидии становится более понятной.

Тактика Сципиона и его единомышленников заключалась в том, чтобы дискредитировать политику правительства. Лучшим способом дискредитировать аристократическое правительство и доказать его банкротство — было бы втянуть римское правительство в войну с заведомо слабым противником, для победы над которым все же потребовалось бы проведение военной реформы. Это был единственно приемлемый в тот период «мирный» путь борьбы с сенатом²¹. Выступление антиримской партии и гражданская война в Нумидии неизбежно должны были повлечь за собой вмешательство Рима, по отношению к которому нумидийские цари, проводившие проримскую политику (Sall., Jug. 20,5; 24, 5—10), находились в положении вассалов и клевнотов (Flor., III, 1, 7; Sall., Jug. 24, 5—7). Это вмешательство Рима в нумидийские дела должно было создать и, как известно, создало впоследствии римскому правительству те затруднения, которых и могли желать Сципион и его единомышленники. Известно, что война между Римом и Нумидией, несмотря на успех римлян, не привела ни к какому изменению в Нумидии сравнительно с довоенным положением²². Можно поэтому предполагать, что провокации сципионовского штаба не имели других целей, кроме стремления поставить правительство в безвыходное положение и тем самым доставить торжество оппозиции (что, как известно, и случилось в результате Югуртинской войны²³). Таким образом, позиция радикально настроенных членов кружка Сципиона представляется понятной. Однако позиция самого Сципиона, как уже говорилось, несколько отличная от этой, нуждается в объяснении. С одной стороны, он обманул надежды Мициппы, желавшего гибели Югурты в Испании, с другой, — надежды наиболее радикально настроенных офицеров своего штаба, желавших немедленно спрово-

²¹ Провоцирование войн с соседями как политический прием был хорошо известен римлянам. Римские государственные деятели неоднократно использовали его во внутривнутриполитических целях (см. Cic., Fam. VIII, 5, 1).

²² Югуртинская война не принесла Риму почти никаких территориальных приобретений. Предположение Лааста (САН, т. IX, стр. 132), что после войны римские купцы в Нумидии получили какие-то преимущества, не находят подтверждения в источниках. И до войны римские торговцы пользовались в Нумидии исключительными правами и были необычайно многочисленны (Sall., Jug. 21, 2; 26). После войны Нумидия не была даже превращена в провинцию. У власти в стране, как и до войны, были оставлены цари, проводившие проримскую политику (Sall., Jug. 65; Dio Cass., Fragm. 43, 77).

²³ В результате затруднений, возникших в ходе войны, в Риме была проведена военная реформа Мария, вполне удовлетворявшая требованиям оппозиции. Кроме того, война положила начало шестилетнему консульству Мария, которое если и не было окончательной победой над правительством, то во всяком случае создало известное «равновесие сил» между оппозицией и сенатом. См. D. Smith, Tiberius and the Roman Empire, Louisiana, 1942, стр. 2—3.

Однако, если вспомнить, в какой момент происходили интересующие нас события, позиция Сциппиона в этом вопросе станет также ясной. Был 133 г. до н. э., когда Тиберий Гракх и его сторонники выступили с проектом аграрной и военной (App., B. c. I, 11) реформы. Вспомним, что Тиберий Гракх, агитируя за свой проект, ссылаясь на те затруднения, которые доставила Риму первая война рабов в Сицилии (App., B. c. I, 9). Гражданская война в Нумидии, которая неизбежно, — как это и случилось впоследствии, — повлекла бы за собой вмешательство Рима, создала бы еще более серьезные затруднения правительству, но тем самым неизбежно усилила бы в этот момент позиции популяров-гракханцев. Это было не в интересах «кружка» Сциппиона. Именно поэтому всякие попытки Югурты «вести дело слишком поспешно» (Sall., Jug. 8, 2) для искусственного в политике Сциппиона были в то время совершенно нежелательны. Сначала нужно было в союзе с правительством разгромить гракханцев, а уж потом создавать затруднения сенату.

Таким образом, действия Сципиона были направлены на то, чтобы гражданская война в Нумидии не вспыхнула в неподходящий для его целей момент. В отличие от радикально настроенной молодежи его штаба Сципион прекрасно учел политическую обстановку. Он, если можно так выразиться, сохранил Югурту как будущий источник затруднений для аристократического правительства Рима. Однако ему лично не пришлось воспользоваться плодами своей политической дальновидности.

Нам представляется, что политическая линия, которой придерживались Сципион Эмпилиан и его единомышленники, более всего соответствовала интересам римских всадников. Всадники, составлявшие второе по значению сословие римского общества, постоянно соперничали с нобилиями и составляли оппозицию сенату²⁵. В то же время значительная часть которых владела обширными имениями²⁶, подобно Сципиону, выступили против аграрной реформы Тиберия Гракха (Liv., Epit. 58; Vell., II, 3, 2). Несомненно также, что усилия Сципиона Эмпилиана, направленные на укрепление военной мощи Рима и на сохранение римской колониальной державы, были полезны и выгодны в первую очередь именно римским всадникам²⁷. После принятия незадолго до 218 г. до н. э. закона Клавдия, запрещавшего сенаторам заниматься финансовыми операциями, связанными с откупами (redemptiones) (Ascon., In or. in toga cand., 94; Dio Cass., LV, 10,5; Liv., XXI, 63), этот источник доходов оказался в основном в руках всадников. Благополучие большинства всадников было связано с эксплуатацией провинций, невозможной, по мнению самих римлян того времени, без откупной системы (см. об этом Liv., XLV, 18). Таким образом, для всадников был жизненно важным вопрос о сохранении и расширении римских владений, что было неразрывно связано с военным могуществом Рима, которое в то время начало приходить

²⁴ Селецкий, ук. соч., стр. 154.

²⁵ А. Риганиол, *Histoire de Rome*, Р., 1944, стр. 133; см. также С. И. Ковалев, *История Рима*, Л., 1948, стр. 335.

Э. Мейер, *Движение Граховок*, в кн.: «Очерки экономической и социальной истории древнего мира и средних веков», СПб., 1899, стр. 152.

²⁷ Можно полагать, что отказ Сципиона и Гая Лелия от проведения в жизнь своего аграрного законопроекта был продиктован не столько страхом перед сопротивлением сената, сколько тем недовольством, которое этот проект должен был вызвать у всадников, владевших оккупированными землями.

в упадок. Поэтому римские всадники были заинтересованы в проведении военной реформы ²⁸. Однако то сопротивление, которое всадники оказали аграрному законопроекту Тиберия Гракха (Vell., II, 3, 2; Liv., Epit. 58), ясно показывает, что они не желали связывать военную реформу с аграрной.

Характерно, что именно Цицерон, неоднократно подчеркивавший свою тесную связь с римскими всадниками (см., например, Fam. V, 6; Q. Fr. I, 1, 6; ср. также Q. Cic., Comm. pet. I, 3; VIII, 33; 50—53), видит в Сципионе Эмилиане свой политический идеал, своего политического предшественника. Именно этим можно объяснить, что свои политические взгляды, выраженные в трактате «О государстве», Цицерон влагает в уста Сципиона Эмилиана. Те мирные, «конституционные» методы борьбы с правительством, которые заставили Цицерона считать Сципиона Эмилиана идеальным политическим деятелем прошлого, также характерны именно для борьбы всадников с сенатом. Вот что говорит у Саллюстия Гай Меммий — один из признанных политических лидеров всадников ²⁹: «Я вовсе не призываю вас к тому, чтобы вы вооруженные выступили против несправедливостей, как часто делали ваши предки. Не нужно ничего при помощи насилия и сецессий; необходимо, чтобы они сами нашли гибель в своем образе действий» (Sall., Jug. 31, 6) ³⁰. Если вспомнить, что Гай Меммий принадлежал к ближайшему окружению Гая Мария ³¹, а Гай Марий, в свою очередь, принадлежал к «кружку» Сципиона Эмилиана, который, по словам Плутарха (Mar. 3), видел в нем своего политического преемника, то можно со значительной долей уверенности предполагать наличие тесной связи разрушителя Карфагена ³² и его единомышленников с римскими всадниками.

Б. П. Селецкий

SCIPIO THE YOUNGER'S PART IN UNLEASHING THE JUGURTHINE WAR AND THE POLITICAL TENDENCY OF HIS CIRCLE

by B. P. Seletsky

The article concerns an event in the political struggle which flared up in connection with the introduction of Marius's military reform. Analysis of the sources makes it possible to state that the «circle» of Scipio Aemilianus gave support to Jugurtha, the leader of the anti-Roman party in Numidia, in his claims to the Numidian throne. This support would at first glance appear to have been antipatriotic in character, since it was aimed at outbreak of a civil war in Numidia which might result in transforming Numidia, then a provincial possession of Rome, into an independent state and make necessary the military intervention of Rome in Numidia. In provoking a civil war in Numidia Scipio and his political associates expected that intervention would result in a difficult war between Rome and Numidia in the course of which the optimates, who controlled the Roman government, would be forced to put through a military reform, a measure they had been evading for political and economic reasons. Scipio differed from some members of his circle on the question of when

²⁸ Характерно, что когда Марий приступал к проведению в жизнь своего проекта военной реформы, его поддерживали именно всадники (Sall., Jug. 64, 5).

²⁹ САН, IX, стр. 171; G. M. Bloch, Aemilius Scaurus, Université de Paris: Bibliothèque de la Faculté des Lettres, XXV, 1909, стр. 52; T. Rice Holmes, The Roman Republic and the Founder of the Empire, I, 1923, стр. 36.

³⁰ Эта речь считается кратким изложением многих речей, произнесенных Гаем Меммием во время Югуртинской войны (см. Bloch, ук. соч., стр. 52).

³¹ См. E. Bardeny, Das sechste Konsulat des Marius oder das Jahr 100 in der römischen Verfassungsgeschichte, Diss., Rostock, 1884, стр. 53 сл.

³² Следует отметить, что полное уничтожение такого торгового центра, как Карфаген, соответствовало интересам прежде всего римских всадников (см. Моммзен, История Рима, II, стр. 27).

it would be best for the civil war in Numidia to break out. Some members of the circle wanted Jugurtha to start action immediately after the conclusion of the Numantian war. Scipio persuaded them that action should be postponed to a later date, since an immediate move by Jugurtha would play into the hands of the Gracchian populares who were gaining strength then in Rome. Scipio did not himself reap the fruits of his far-sighted policy: he died before the Jugurthine war, which led to the introduction of military reform. The reform was put through by Gaius Marius, whom Scipio Aemilianus looked upon as his political successor and heir. The political position and tactics of Scipio Aemilianus and his circle coincided with the political position of the Roman knights.

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ БИБЛИОТЕКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Коллекция греческих рукописей Научной библиотеки Московского университета состоит из четырех манускриптов. Начало этому собранию было положено в 1805 г., когда стараниями попечителя университета М. Н. Муравьева университетской библиотеке были переданы в дар два греческих кодекса X и XV вв. (греч. 1 и греч. 3), приобретенные в Париже и привезенные в Петербург знаменитым коллекционером рукописей П. П. Дубровским¹. В 1846 г. к этим двум кодексам присоединился Апостол XI в. (греч. 2)². Наконец, совсем недавно, в феврале 1965 г., Отделом рукописей и редких книг библиотеки МГУ была приобретена еще одна греческая рукописная книга конца XVII в. (греч. 4), принадлежавшая прежде частному собранию В. В. Величко³.

Такова вкратце история этой маленькой коллекции⁴. Обратимся к описанию самих рукописей.

* * *

¹ См. заметку «О двух греческих рукописях, присланных недавно в подарок в библиотеку Императорского Московского университета», «Московские ученые ведомости», 1805, № 9, стр. 71—72. С. А. Белокуров ошибается, говоря, что университетская библиотека «вся сгорела в 1812 г., так что то собрание греческих рукописей, которая в ней имеется, составлено после 1812 г.» (С. А. Белокуров, О библиотеке московских государей в XVI столетии, М., 1898, стр. 187 сл.). О П. П. Дубровском см. Т. В. Лунова, Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ВЛ, 1952, № 8, стр. 150—154; М. П. Алексеев, Из истории рукописных собраний, в кн. «Непзданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв.», М.—Л., 1960, стр. 36—62; Т. П. Воронова, Французские средневековые книги в собрании Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (из истории средневековых библиотек и коллекций), СВ, XXII, 1962, стр. 258—266.

² «Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1845—46 академический и 1846 гражданский годы», стр. 33. М. Фогель — В. Гардтхаузен неверно считали Апостол 1072 г. принадлежавшим университету еще до 1812 г. и спасенным вместе с двумя названными выше рукописями при пожаре Москвы. См. M. Vogel, V. Gardthausen, Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance, Lpz, 1909 (XXXIII. Beiheft zum Zentralblatt für Bibliothekswesen), стр. 317, прим. 3.

³ Валерий Вадимович Величко (1874—1956), московский врач, владелец обширного собрания книг и рукописей XIV—XX вв. Большое число славянских рукописей приобретено университетской библиотекой в 1961—1965 гг. у наследника В. В. Величко — Николая Кирилловича Величко. Часть их описана в кн. «Славянорусские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского гос. университета (описание)», сост. Э. И. Ронцова, М., 1964.

⁴ С. А. Белокуров (ук. соч., стр. 187), ссылаясь на Х. Ф. Маттеи, говорит, что в библиотеке Московского университета была греческая рукопись Нового Завета. Однако никакого точного указания на работы Х. Ф. Маттеи при этом не делается, и нам остается лишь предполагать, что имеется в виду «Novum Testamentum graece...», ed.